

УДК 94(476):355"15"

UDC 94(476):355"15"

**ВОЕННАЯ СЛУЖБА БОЯР-ШЛЯХТЫ
И ОРГАНИЗАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ
ФОРМИРОВАНИЙ В ВЕЛИКОМ
КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.**

**MILITARY SERVICE OF BOYAR-
GENTRY AND ORGANIZATION OF
ARMED FORMATIONS IN THE GRAND
DUCHY OF LITHUANIA IN THE FIRST
HALF OF THE XVI CENTURY**

И. Ю. Уваров,

*кандидат исторических наук, доцент
кафедры социально-гуманитарных и пра-
вовых дисциплин Гомельского государ-
ственного технического
университета имени П. О. Сухого*

I. Uvarov,

*Candidate of History, Associate Professor
of the Department of Social and Legal
Disciplines and Humanities,
Gomel State Technical University
named after P. Sukhoy*

Поступила в редакцию 20.07.16.

Received on 20.07.16.

В XVI в. социальное общество Великого княжества Литовского представляло собой сложную систему, основанную на феодальной иерархии. Все важные должности в государственном аппарате занимали люди знатного происхождения. В этот период одним из привилегированных сословий являлись представители военного сословия бояре-шляхта. За отправление ратной службы они получали от господаря участки земли. Нормы отправления земской службы были обусловлены количеством зависимого населения. В целях повышения боеготовности шляхетского ополчения воспитание личности служилого человека было основано на вековых традициях и основывалось на таких понятиях, как воинская честь и преданность государственной службе. Большое значение в войске ВКЛ отводилось сохранению дисциплины и отбору только тех лиц, которые были годными к службе в строю. Укрепление боевой мощи шляхетских формирований происходило за счет достаточного количества оружия, которое производилось специальными мастерами, крестьянами-промысловиками. Эти люди жили во владениях крупных феодалов и магнатов, обеспечивая вооружением и амуницией ратников из феодальных поместий. Это и многое другое способствовало единению поветовых хоругвей шляхетского ополчения в грозную боевую силу Посполитое рушение ВКЛ.

Ключевые слова: бояре-шляхта, земская служба, земельное держание, феодальное общество, служилые люди, военная дисциплина, Великое княжество Литовское.

In the XVI century the social society of the Grand Duchy of Lithuania represented a complex system based on the feudal hierarchy. All important positions in the state apparatus took people of noble birth. During this period, one of the privileged classes were the representatives of the military-gentry class boyars. For the administration of military service they got land plots from the lord. The rules of administration of Zemstvo service were defined due to the amount of the dependent population. In order to improve the combat readiness of the gentry militia, education of an individual serviceman was based on centuries-old traditions and based on such concepts as the military honor and dedication to public service. Great importance in the army of GDL was given to preservation of discipline and selection of only those individuals who were fit to serve in the ranks. Strengthening the combat power of the gentry formation occurred due to a sufficient number of weapons that were produced by special craftsmen, peasants, fishers. These people lived in the lands of feudal lords and barons, providing weapons and ammunition for warriors of feudal estates. This and much more contributed to the unity of powiat gentry militia into a formidable fighting force, Commonwealth violation of GDL.

Keywords: nobles, nobility, zemstvo service, land holding, feudal society, service people, military discipline, the Grand Duchy of Lithuania.

Введение. По теме данного исследования значительная часть источников периода XVI в. предлагает фрагментарный и нечетко выраженный материал, что затрудняет работу и делает источники трудно сопоставимыми. Наличие указанных недостатков в любом исследовании позволяет использовать иллюстративный метод аргументации основных

положений и выводов по организации социально-экономической, военно-политической и правовой жизни шляхты ВКЛ в первой половине XVI в. Следует отметить, что пока еще остается нерешенной проблема типологии источников по различным направлениям социальной, хозяйственной и культурной деятельности шляхты. Актуальность исследования обуслов-

лена слабой разработанностью данной темы в отечественной историографии, поэтому проблема военной службы бояр-шляхты ВКЛ в первой половине XVI в. оказалась практически не изученной, именно это обусловило актуальность данной статьи.

Основная часть. Феодалное общество Великого княжества Литовского в первой половине XVI в. оставалось иерархичным и корпоративным. Представители господствующего сословия занимали привилегированное положение в области политики и в сфере экономических отношений, выполняя при этом важную роль в религиозно-идеологической жизни. Социально-политическое лидерство феодалов определялось тем, что все важные должности в государственном аппарате, как в центре, так и на местах, занимали знатные шляхтичи, владельцы обширной земельной собственности. Представители шляхетской олигархии в ВКЛ определяли направления всей внешней и внутренней политики государства. Нормы феодалской морали находили отражение в летописях, хрониках, песнях и легендах.

В первой половине XVI в. шляхта ВКЛ стала одним из привилегированных сословий, которое, в свою очередь, делилось на крупных шляхтичей-магнатов, среднюю и мелкую шляху. Служилые шляхтичи продолжали получать участки земли с феодално-зависимым населением. С увеличением роли земской службы воинопослужилое сословие остается одним из привилегированных. Государственная власть своими указами в адрес старост, державцев, корунжик, шляхте, шляхетским и боярским дворянам рекомендует поддерживать на должном уровне земскую службу, что означало в тот период заботу великого князя об оборонеспособности страны [1, с. 89–93, 993–995; 2, л. 113–113об]. Такая политика верховной власти в ВКЛ должна была способствовать увеличению количества служилых людей. Однако процесс консолидации шляхты в единую боевую силу протекал очень медленно. Имеющиеся источники свидетельствуют о малочисленности, а значит, и слабой боевой организации шляхетских соединений. Об этом также свидетельствует ополчение, собранное в начале 20-х гг. XVI в. от всех владений полоцкого воеводства. Численность его едва превышала три сотни конных воинов. С оруженосцами и коноводами этот воинский отряд составлял не более одной тысячи человек [3, с. 192–196]. Как свидетельствуют документы начала XVI в., служилые люди путные-бояре проживали в Полоцке и на Полотчине, как их называли панцирные слуги. К концу XVI в. это была уже достаточно многочисленная группа населения, основным занятием которой было отправле-

ние военной службы [1, с. 523–524]. Среди трех сословных групп торговцев-ремесленников, мещан и духовенства эта группа населения стала резко отличаться по уровню своего материального благосостояния. Такая же боярская верхушка сложилась и в Витебске. Надо полагать, что в других городах белорусских земель происходило тоже. При описании городской жизни того времени мы встречаем названия улиц, которые свидетельствуют о том, что там жили военные люди, так, например, улица Боярская была в Гомеле. О высоком социальном-экономическом уровне этой категории граждан свидетельствует наличие у них земельных держаний в городе и сельской округе, что характеризовало их имущественный статус. Если боярин переселялся в город и у него оставалось земельное владение, то его обязанностью оставалось выполнять военную службу в рядах конных мещан. Бояре, живущие в городе, должны были снаряжать в ряды «Посполитого ружения» вооруженного всадника. «С имения коннаго мещанина службу господарскую земскую военную его владелец служить моет» [4, с. 374]. На основании этих положений сказывалась помощь шляхте полоцкими мещанами, которые в отдельные периоды военных пикетей могли снарядить за свои деньги несколько десятков вооруженных всадников [5, с. 195–196]. Такая обязанность могла быть возложена на бояр, которые переселялись в города, переходя в мещанское сословие.

О состоянии, численности, организации дисциплины и боеспособности шляхетского ополчения свидетельствует специально составленный в 1528 г. учетно-воинский список, получивший название «Перелісь войска ВКЛ». При составлении этого документа (имена не указаны) были привлечены два господарских боярина-шляхтича, назначенные на эту работу жемойским старостом. Они внесли в особые списки шляхтичей и бояр, которые числились как воины, а также представителей духовной иерархии – бискупов, епископов, митрополитов, которые снаряжали за свои средства конных воинов [5, с. 1–232].

Содержание этого списка свидетельствует о начале консолидации служилого сословия бояр-шляхты. Военному учету подлежали все имения в каждом повете с перечислением их владельцев и количеством у них волок земли. Из документов видно, что состоятельные феодалы ставили в войско по несколько сот воинов, как, например, князь Юрий Олелькович Слуцкий снарядил в войско четыреста тридцати три ратника, князь Михаил Иванович Мстиславский подготовил и собрал в поход тридцать два всадника, пани Виленская Альжбета из своих владений собрала шестьдесят

воинов, княжна можайская выставила четырнадцать ратных людей. Представители духовенства князь Ян, бискуп виленский отправляет в войско двести тридцать шесть конных воинов в полной боевой экипировке. Следует добавить, что в этот период мобилизационный ресурс с церковных имений был еще не до конца учтен [6, с. 35–36].

Каждый боярин, шляхтич в зависимости от земельного владения отправляет к месту сбора войска по несколько вооруженных людей. Здесь следует обратиться к языку цитат «Сенько Мацкович мае ставити два кони, а Алексей Сенкович мае ставити чотыры кони». В господарских владениях новгородского замка бояре, которые служили военную службу с небольших участков земли, отправлялись в войско единолично: «Станько Бабеневич – сам ку службе, Михайло Грынкевич – конь, Шамбей – сам» [6, с. 44–45, 47]. Гродненские бояре в 1528 г., которые самостоятельно отправляли земскую службу, также единолично направлялись к сбору и регистрации войска. Об этом широко свидетельствует источник: «Хотьян Шеньбель сам к службе. Кондрат Ивашкович сам»... Некоторые феодалы брали с собой на службу близких родственников: «...Мартин а Станислав з братьею сами...» «Родивон сынами сам...» [7, с. 95–96]. Овдовевшие жены бояр-шляхты, сохраняя за собой право владеть землей, отправляли на службу вооруженного всадника... «Есковая удова конь» [7, с. 98].

В рассматриваемый период каждый ратник еще должен был заботиться о собственном обеспечении продуктами питания, брать с собой провизию на два или три месяца. Как считают этнографы и археологи, наиболее распространенной пищей в XV–XVI вв. были ржаной хлеб, сало, копченое свиное мясо: им запасались на несколько месяцев. В поход ратники брали сушеный хлеб, муку, сушеное мясо и рыбу. Наиболее значимой пище в походе было толокно – это мука, смешанная с водой, ели его в сыром виде.

Шляхетское ополчение в каждом повете возглавлял староста. Как свидетельствует об этом документ в 1524 г., 1 июля Сигизмунд I направил письменное распоряжение городенскому старосте Ю. Радзивиллу о необходимости ему самому прибыть к месту сбора войска и воззвать шляхетское ополчение Городенского повета на случай вторжения крымских татар. Место сбора всех военных отрядов был назначен город Брест «абы твоя милость рачил собратися со всеми слугами своими и быти на одном месту поготову конне а збройне» [6, с. 34–35]. Боеготовность феодального ополчения была возможна благодаря воспитанию военного человека с раннего детства. Святой

обязанностью в войске ВКЛ была дача присяги на верность королю ротмистрами, которые отправлялись к месту несения службы [8, с. 84]. Формирование и воспитание личности будущего воина было основано на вековых традициях, следуя дорогой чести и преданности государственной службе [9, с. 3–4]. В семьях мелких шляхтичей было распространенным делом направлять сыновей к богатым феодалам и магнатам, чтобы сделать из них настоящих воинов. Для продолжения дела своего отца юноша при условии годности к военной службе мог отстаивать свой интерес на право земельного держания, отправляясь на войну вместо отца [6, с. 72]. Из имеющихся документов видно, что Сигизмунд I следил о порядке отправления земской службы, требовал исполнения военной дисциплины и единоначалия в шляхетском войске [9, с. 100–104]. Это касалось должностных лиц, которые находились на господарской службе, но по болезни или старости лет не справлялись со своими обязанностями. Так, например, 28 мая 1534 г. господарь отдал распоряжение гетману Ю. Радзивиллу об отстранении от службы по старости троцкого конюшья Ивана Гринкевича: «...«не может сам на тепершнюю службу нашу на войну ехати». А 27 июня 1534 г. от службы был освобожден по болезни староста князь Федор Михайлович Чарторыйский [6, с. 70, 82]. О соблюдении военной дисциплины в войске свидетельствует еще один документ, где сказано наказать виновных в беспорядках после взятия отрядами князя Ю. Радзивилла гомельского замка [6, с. 172–177]. В 1534 г. по приказу Сигизмунда I был составлен специальный реестр, в котором были зарегистрированы путные слуги, негодные к военной службе из-за того, что приезжали на военный смотр на лошадах, которыми пахали землю, без оружия, одетые в сермяги: «на клячах простых боронных у сермягах и зброй не мели и ку послузе не годны были». Такие реестры составлялись в каждом повете для того, чтобы не была вреда делам государственной важности [6, с. 90–91].

Следует признать, что события Стародубской войны во многом повлияли на социальную структуру и организацию шляхетского войска ВКЛ. Одним из доказательств этому является мобилизационный господарский лист 1534 г., свидетельствующий о призыве служилых феодалов ехать на войну, язык оригинала этого источника доносит до нас достаточно реалистичную картину того времени: «...«вси княжата и панята, рыцерство, подданыи вси земляе князтва Литовского ку службе нашой на войну ехали, о чом же есмо до вси поветов листы нашы писати казали, месцо собранью войска им складаючы у замку нашом Менском

на семью субботу пришло»... [10, с. 53]. Для беспрепятственного прохождения войск 19 июня 1534 г. Сигизмунд I приказал господарским дворянам разослать «окружные листы» с приказом отремонттировать все мосты и гати, перед тем как в этих местах пройдет войско. Для проведения этих работ повсеместно собирались мастерские люди [6, с. 74]. В 1535 г. был составлен проект военного устава, по которому вся шляхта должна подчиняться во время военной кампании своим поветовым начальникам и пану гетману. А если кто-то вздумает бунтовать против гетмана, то в отношении зачинщиков и участников неповиновения должны быть применены строжайшие меры [6, с. 130–134].

Кроме всего вышесказанного по организации служилого сословия бояр-шляхты во время войны следует добавить, что в указанный период, как свидетельствуют источники и исследования современных историков, в армии Сигизмунда I стали широко использовать данные информационно-разведывательной службы. В 1534 г. пограничные урядники и господарские военачальники были обязаны сообщать своему монарху о положении дел на театре военных действий и всех новостях, которые им стали известны [11, с. 209]. Доставкой таких писем самому Сигизмунду I занимались специальные люди, называли их коморники – придворные слуги короля, лично его доверенные лица, умеющие хранить информацию о государственной тайне [12, с. 162].

Период второй половины 30-х и начало 50-х гг. XVI в. в истории служилого сословия бояр-шляхты и всего рыцарства ВКЛ продолжал оставаться временем укрепления феодальных позиций шляхты и ростом ее требований в области различных привилегий. В этот период продолжает совершенствоваться военное искусство служилых людей, повсеместно наблюдаются военные приготовления, смотры поветовых хоругвей, укрепление обороноспособности крепостей и производство в имениях шляхты различных видов вооружений [13, с. 192]. Великокняжеская власть всячески создавала условия для расположения к себе представителей привилегированного сословия. Это видно из различных категорий пожалования феодальных бенефициев.

Меняется и система подачи жалоб в господарскую администрацию. Имеющиеся материалы позволили выявить документ, где сказано, что 29 марта 1546 г. на территории королевских владений державца Н. Ю. Радзивилл со своей матерью подали жалобу на господарского дворянина С. З. Медведа. Жалоба была подготовлена и подана через уполномоченного Радзивиллом человека «своего пана» Ф. Жа-

бровского [11, с. 88–90]. Путем надления шляхты обширным владениями увеличивалась феодальная собственность их владельцев. Этому свидетельствуют материалы источников. Так, среди многих великокняжеских пожалований следует обозначить одно достаточно крупное, которым был надделен господарский дворянин Иван Немирович. Этот феодальный бенефиций разрешал новому владельцу строительство замка: «...ку волости Валевской...» и иметь там торговые площади, корчмы и быть полноправным владельцем над своими подданными [13, с. 104–105]. На сейме 1551 г. Сигизмунд-Август утвердил постановление, принятое станами сейма, по которому полоцкая и витебская шляхта путем увеличения феодальных сборов могла удерживать зависимое население, не допуская его переход к другому владельцу. К середине XVI в. полоцкие бояре и шляхта уже успели оформиться в отдельное городское сословие, что свидетельствует о их давнем проживании в городе [14, с. 32]. Это повлияло на то, что отдельные представители полоцких мещан начали нести военную службу наравне с боярами и шляхтой. Об этом свидетельствуют данные Полоцкой ревизии 1552 г., где указаны мещане как отправлявшие земскую службу [3, с. 31–43, 54]. Однако привлечение мещан кратному делу не могло повлиять на увеличение численности шляхетского ополчения. Как свидетельствуют первоисточники, количество снаряженных ратников, выставляемых из феодальных владений шляхты, оставалось желать лучшего. Выборочные данные свидетельствуют о том, что до начала событий Ливонской войны из числа служилых людей Клецкого княжества в ряды послопитого ружения стертриторий в 894 волоки земли 49 феодалов снарядили 57 конных воинов. В 1552 г. 14 служащих феодалов Городецкого имения снарядили 27 ратников. Из чего следует, что имущественные возможности феодалов существенно ограничивали их мобилизационные возможности [15, л. 84об, 92–92об]. Нежелание выходить в поход даже в целях военного смотра обусловлено непродолжительным мирным затишьем. С началом военной угрозы у правительства оставалось право повысить безопасность шляхетского войска путем сбора серебщины. Как свидетельствует документ от 28 ноября 1558 г., особый налог на чрезвычайные нужды объявлялся для всего Княжества, а уже 7 декабря специальные великокняжеские налоговые грамоты были разосланы адресатам к местам их проживания [16, с. 27–29].

Однако укрепление боеспособности в отдельных подразделениях вооруженных формирований ВКЛ постоянно увеличивалось,

о чем свидетельствуют некоторые документы. В магнатских владениях Радзивиллов в середине XVI в. проживали крестьяне-промысловики, которые обеспечивали различными изделиями, в том числе оружием, личную охрану магната и вассально зависимую от него шляхту [17, л. 17–20]. В этот же период администрация гродненского замка начала осуществлять подбор мастеров из числа местных служилых людей, знающих искусство артиллерии и обслуживания крепостных орудий [18, л. 20]. Это свидетельствует о том, что происходил увеличение применения ствольного огнестрельного оружия. Что оказалось возможным благодаря изменениям в производстве орудий и дульнозарядным ручным системам ведения огня. Эти новейшие виды вооружений отливались из меди и ее сплавов посредством земляных или керамических форм. Это оружие находило широкое применение как при обороне крепостей, так и в полевом сражении.

В начале второй половины XVI в., как и в предыдущую эпоху, потенциальным противником у населения белорусских земель продолжали оставаться татары Крымского ханства. Их постоянные набеги сопровождались грабежом, разорением хозяйств и угоном населения в плен, об этом свидетельствуют многие

документы рассматриваемого времени. Один из таких документов рассказывает о том, какое отношение было со стороны феодальной власти в отношении тех, кто возвращался из татарского плена. В 1555 г. 5 января магнат Николай Радзивилл подписал специальное распоряжение, адресованное браславскому старосте Богуси Федоровичу Корецкому, чтобы он установил в правах на феодальные владения Земянина Романа Красносельского после возвращения его из татарского плена: «именейца его Красное, Криковцы, Кожинцы, Олбагов знову ему привернул...» [19, с. 46–47].

Заключение. К середине XVI в. сословие военно-служилой знати оформилось как исключительно шляхетское сословие. Каждый пан, который владел определенными участками земли с феодально-зависимым населением, явственно осознавал, что основа его имущественного держания и власти в поместье напрямую зависит от отправления земской службы, неисполнение которой влекло потерю феодального владения. Воспитанные на вековых традициях воинской чести шляхтичи продолжали оставаться для господарской власти надежной опорой по сохранению государственного суверенитета в ВКЛ.

ЛІТАРАТУРА

1. Литовская Метрика. Русская историческая библиотека. Отд. 1. Ч. 2. Книги судебных дел. Т. 1 / ред. П. А. Гильдебрандт. – Т. 20, 1903. – 1885 с. и стб. разд.
2. Национальный исторический архив Беларуси. Коллекция микрофильмов в дальнейшем КМФ-18. – Оп. 1. Д. 529. Ч. 1–2.
3. Полоцкая Ревизия 1552 года / К изданию подготовил И. И. Лаппо. – М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1905. – XXII, 236. [1] с.
4. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской, Могилевской. Вып. 20. Приходно-расходная книга г. Могилев за 1711 г. Акты, извлеченные из книг Витебского городского суда за 1534–1712 гг.; из документов Центрального архива за 1714–1813 гг.; из книг Витебского земского суда за 1592–1596 гг. – Витебск. 1890. – XVI, 512, XXX с. ИЮМ. т. XX.
5. Литовская Метрика. Русская историческая библиотека. Отд. 1. Ч. 3. Книги публичных дел. Т. 1. Переписи войска литовского / ред. С. Л. Пташницкий. – СПб., 1915. – Т. 33. 1378 с. и стб. разд.
6. Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки Первой половины XVI в. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Редактор серии И. Граля. Отв. ред. тома Ю. М. Эскин. Том VI. Москва–Варшава, 2002. «Древнехранилище» ММII. 267 с.
7. Метрыка Вяликага княства Літоўскага. Перapis войска Вяликага княства Літоўскага 1528 года. Кн. 523. Кн. публичных спраў і падрычкі. А. І. Груша, М. Ф. Спірыдонаў, Я. А. Вайцiшч; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Бел. навука, 2003. – 444 с.
8. Малиновский, И. Сборник материалов, относящихся к истории панов-рады Великого княжества Литовского / И. Малиновский. – Томск: Паровая типо-литография П. Н. Макушина, 1901. – 694 с.

References

1. Litovskaya Metrika. Russkaya istoricheskaya biblioteka. Otd. 1. Ch. 2. Knigi sudnykh del. T. 1. Red. P. A. Gildibrandt. T. 20, 1903. – 1885 s. i stb. razd.
2. Natsionalnyy istoricheskiy arkhiv Belarusi. Kolleksiya mikrofilmov v dneyshem KMF-18. Op. 1, d. 529. Chast 1-2.
3. Polotskaya Reviziya 1552 goda / K izdaniyu prigotovyl i. I. Lappe. – Moskva: imp. O-vo istorii i drevnostey ros. pri Mosk. un-te, 1905. – XXII, 236. [1] s.
4. Istoriko-yuridicheskiye materialy, izvlechyonnyye iz aktovykh knig guberniy Vitebskoy Mogilyovskoy. Vyp. 20. Prikhodno-raskhodnaya kniga g. Mogilyev za 1711 g. Akty, izvlechyonnyye iz knig Vitebskogo gorodskogo suda za 1534–1712 gg.; iz dokumentov Tsentralnogo arkhiva za 1714–1813 gg.; iz knig Vitebskogo zemskogo suda za 1592–1596 gg. – Vitebsk, 1890. – XVI, 512, XXX s. Izv. t. XX.
5. Litovskaya Metrika. Russkaya istoricheskaya biblioteka. Otd. 1. Ch. 3. Knigi publicnykh del. T. 1. Perepisi voyska litovskogo. Red. S. L. Ptashitskiy. – SPb., 1915. – T. 33. 1378 s. i stb. razd.
6. Radzivillovskie akty iz sobraniya Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki Pervoy poloviny XVI v. // Pamyatniki istorii Vostochnoy Evropy. Istochniki XV–XVII vv. Redaktor serii I. Gralya. Otv. red. toma Yu. M. Eskin. T. VI. Moskva-Varshava, 2002. «Drevnekhranishche» MMII. 267 s.
7. Metryka Vyalikaga knyastva Litovskaga. Perapis voyska Vyalikaga knyastva Litovskaga 1528 goda. Kn. 523. Kn. publicnykh sprav i Padyrki. A. I. Grusha, M. F. Spiridonau, M. A. Vaytsishch; NAN Belarusi, In-t gistoryi. – Mn.: Bel. Navuka, 2003. – 444 s.
8. Malinovskiy, I. Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii panov-rady Velikogo knyazhestva Litovskogo / I. Malinovskiy. – Tomsk: Parovaya tipolitografiya P. N. Makushina, 1901. – 694 s.

9. Килбас, А. А. Культура привілеєваного сословія на тэрыторыі Беларусі в XIV–XVI вв. / А. А. Килбас // *Вестнік БДУ. Серыя 3. Гісторыя, Філасофія, Псіхалогія, Паліталогія, Эканоміка. Права.* – 1998. – № 2. – С. 3–6.
10. Пашута, В. Т. Культура Велікага княства Літоўскага / В. Т. Пашута // *Вопросы истории.* – 1977. – № 4. – С. 94–101.
11. НИАБ. – Фонд 694. Оп. 4. Д. 5790.
12. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга № 30 (1480–1546 гг.): Кніга запісаў № 30 (копія канца XVI ст.) / падрыхт. В. С. Мянжынскі. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 386 с.
13. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 28 (1522–1552 гг.): Кніга запісаў 28 / падрыхтоўка тэкстаў да друку і навук. апарат. В. Мянжынскі, У. Сваяжынскі – Менск: АТЕНАЕВМ, 2000. – 312 с.: іл 8 (калекцыя «Помнікі», Том I).
14. Капыскі, З. Ю. Полацк узлоку ранняга Адраджэння // *Спадчына Скарыны* : Зб. матэрыялаў першых Скарынаўскіх чытанняў (1986) / укл. А. І. Мальдзіс ; уступ. слова І. Я. Навуменкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – 318 с.
15. НИАБ. – Фонд 694. Оп. 1. Д. 621.
16. Літоўская метрыка = Lietuvos metrika / Ін-т гісторыі Літвы. – Вільнюс: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1996. Т. 7. Кніга публічных дел (1533–1567) / [Подгот.: А. Бальюліс, и др.]. – 205 с.
17. НИАБ. – Фонд 694. Оп. 2. Д. 1997.
18. НИАБ. – Фонд КМФ–18. Оп. 1. Д. 42.
19. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 43 (1523–1560 гг.): Кніга запісаў 43 (копія канца XVI ст.) – Мінск : 2003. – 167 с.
9. Kilbas, A. A. Kultura privilegovanogo sosloviya na territorii Belarusi v XIV–XVI vv. // *Vestnik Belaruskaga dzjarzhavnaga universiteta. Navuka-tearystychny chasopis. Seryya 3. Gіstaryya. Filasofiya. Psichalogiya. Palitalogiya. Ekanomika. Prava.* – 1998. – № 2. – S. 3–6.
10. Pashuta, V. T. Kultura Velikogo knyazhestva Litovskogo // *Voprosy istorii.* – 1977. – № 4. – S. 94–101.
11. NIAB. – F. 694. Op. 4. D. 5790.
12. Metyrka Vyalikaga knyastva Litouskaga. Kniga № 30 (1480–1546 gg.): Kniga zapisau № 30 (kopiya kantsa XVI st.) / padrykht. V. S. Myanzhynski. – Minsk : Belarus. navuka, 2008. – 386 s.
13. Metyrka Vyalikaga knyastva Litouskaga. Kniga 28 (1522–1552 gg.): Kniga zapisau 28 / padrykhtouka tekstav da druku i navuk. apparat. V. Myanzhynski, U. Svyazhynski. – Minsk: ATENAEVM, 2000. – 312 s.: il. 8 (kalektsyya "Pomniki", Tom I).
14. Kapyski, Z. Yu. Polatsk u epokhu rannyyaga Adradzhennya // *Spadchyna Skaryny: Zb. materyialau persnykh Skarynauskikh chytannyyau (1986) / Ukl. A. I. Maldzis ; Ustup. slova I. Ya. Navumenki.* – Mn. : Navuka i tekhnika, 1989. – 318 s.
15. NIAB. – Fond 694. Op. 1. D. 621.
16. Litovskaya metrika = Lietuvos metrika / In-t istorii Litvy. Vilnyus: Mokslo ir enciklopedijii leidykla, 1996. T. 7. Kniga publichnykh del (1533–1567) / [Podgot.: A. Balyulis i dr.]. – 205 s.
17. NIAB. – Fond 694. Op. 2. D. 1997.
18. NIAB. – Fond KMF-18. Op. 1. D. 42.
19. Metyrka Vyalikaga knyastva Litouskaga. Kniga 43 (1523–1560 gg.): Kniga zapisau 43 (kopiya kantsa XVI st.) / – Mn.: 2003. – 167 s.